

что «предки гуцулов пришли в горы из мест, расположенных вблизи от большого торгового города, может быть Киева, где они занимались ремеслом» (стр. 150). Искусство ремесленников, работавших на заказ или на рынок, не могло (да и не имело условий) для своего развития. Высокое прикладное искусство горного ското-водческого населения Закарпатья развивалось совершенно на другой базе. Находясь почти круглый год на пастбищах со скотом, мужчины, имея много свободного времени, занимались выделкой и украшением различных вещей домашнего обихода не для рынка, а для себя. Именно на этой почве выросло искусство резьбы по дереву. Художественные вышивки и украшения костюма создавались женской частью населения также не на рынок, не на продажу, а только для себя. Проникновение торгово-капиталистических отношений в среду этого горного населения послужило, особенно за последние 30 лет, причиной полного упадка подобного прикладного искусства. Только теперь, с воссоединением Закарпатья с Украинской ССР, в условиях социализма, для горного населения Закарпатья открылись широкие возможности возрождения своего искусства.

Обращает внимание довольно путаная языковая характеристика населения Закарпатья, изложенная В. А. Ануциным и А. И. Спиридоновым на стр. 93. Здесь имеется только одна правильная мысль: закарпатский язык «в большей мере, чем какой-либо другой из восточнославянских языков, сохранил в себе черты того общего славянского языка, на котором говорили предки русских, украинцев и белорусов во времена Киевской Руси» (стр. 93). Все же остальное так перепутано, что трудно что-либо понять. Например: «наречие лемков и бойков очень напоминает церковно-славянский язык»; «понять наречие бойков и лемков легче, чем понять украинскую речь»; «сохранилось много слов, имеющих в русском, но которые не попали в украинский», и т. д. Здесь же и прямо противоположное: «Находясь в многовековой зависимости от мадьяр... все же сумели сохранить родной язык, сумели отстоять против мадьяризации, сохранившись как часть украинского народа» (подчеркнуто мной.— И. С.). В следующей фразе тех же бойков и лемков авторы делают на «долинян» и «верховинцев», причем утверждают, что только «долиняне» по языку «ближе всех к русскому языку» (стр. 93). Нет надобности доказывать, что язык закарпатских украинцев в своей основе — украинский и й. Наличие же местных диалектов, сохранивших древние пережитки, общие для всех восточных славян, и воспринявших в более позднее время словарный материал соседних народов, не дает права делить этот язык на «церковно-славянский» и затем «ближе стоящий к русскому» и т. д. Авторам следовало бы обратиться за консультацией к лингвистам или заглянуть хотя бы в 55-й том Большой Советской Энциклопедии, где на стр. 956—964 дана подробная характеристика украинского языка в целом и закарпатского в частности.

Закарпатские украинцы гордятся своими художниками, поэтами, писателями, профессорами, работающими в Ужгородском университете. В Ужгороде и Мукачево работает большой коллектив историков, археологов, биологов, зоологов и других специалистов. По всей области в начальных и средних школах трудятся не одна сотня учителей из местных жителей. На транспорте и в промышленности имеются десятки инженеров-специалистов; нельзя забывать и о врачах. Сейчас в условиях строительства социализма этой интеллигенции явно недостаточно, предстоит огромнейшая работа по подготовке новых по качеству кадров советской интеллигенции. Поэтому было бы клеветой утверждать вместе с В. А. Ануциным и А. И. Спиридоновым, что «украинская интеллигенция, как правило, ограничена священниками и отчасти учителями» (стр. 100).

В книге В. А. Анучина и А. И. Спиридонова имеется еще много других неточностей и несообразностей. Отметим только два весьма досадных искажения. На стр. 117 и 118, описывая приспособление для складывания сена, авторы называют его «борот», повторяя этот термин несколько раз, тогда как местное его название «оборуг» (или оборуг, в зависимости от местного диалекта). На стр. 118 помещено фото с подписью: «заготовка сена на полонинах гуцульщины». В действительности, одежда мужчины и женщины, снятых у копны сена, указывает, что снимок сделан совсем не на «гуцульщине», а в Довжанской долине, т. е. не в восточной части Закарпатской области, а в центральном ее районе. На стр. 161 говорится о преобладании квадратных окон в украинских мазанках Закарпатья. Работая в экспедиции Института этнографии Академии Наук СССР, я посетил в различных частях области 68 сел, где произвел обмер 400 украинских хиж (мазанок и не мазанок), а также сфотографировал около 500 жилищ, но нигде не видел квадратных окон, тем более выходящих на балкон, как это утверждают авторы.

И. Симоненко

Б. Н. Путилов. *Исторические песни на Тереке*. Подготовка текстов, статья и комментарии Б. Н. Путилова. Грозный, 1948, 143 стр. («Фольклор Терского казачества», сборник 2).

В отличие от первого выпуска «Фольклора Терского казачества» («Песни гребенских казаков», Грозный, 1946), состоявшего из новых записей песен, сделанных экс-

песнями 1945 г., второй выпуск дает тексты гребенских исторических песен, опубликованные в различных (главным образом дореволюционных) изданиях. Выбор для первого сборника старого терского фольклора именно исторических песен сделан вполне обосновано. Исторические песни — ценнейшее наследство русского фольклора — лучше всего сохранились у казачества, в песенном репертуаре которого они занимают весьма значительное место. Сборников же, дающих полное представление о казачьей исторической песне нет, их тексты разбросаны по различным, часто малодоступным изданиям. Изучение их, как и вообще всей русской исторической песни, до сих пор остается одним из самых слабых участков советской фольклористики; почти все имеющиеся об исторических песнях работы написаны на основе порочной позитивистской методологии так называемой «исторической школы» и нуждаются в строгом критическом пересмотре с марксистско-ленинских позиций. Отсюда понятна важность и своевременность настоящего издания, ставящего своей задачей «дать научно-популярную антологию терской исторической песни, систематизировать и прокомментировать известные материалы, сделать их достоянием широкого читателя и обратить на них внимание специалистов» («Предисловие», стр. 5). Подбор и комментарии текстов сделаны Б. Н. Путиловым, много поработавшим по собиранию терского фольклора.

В целом сборник дает достаточно полное представление о содержании и характере терской исторической песни до второй половины XIX в., но отдельные тексты выбраны неудачно. Рассчитанный на широкого читателя, данный сборник не является сводом всех опубликованных вариантов (перечень их дан в комментариях), тексты даны выборочно, что, конечно, требовало особо тщательного их отбора. Составитель же не всегда подходит к публикуемым вариантам достаточно критически. Не делается никакой разницы между дореволюционными и современными записями, большинство текстов сборника взято из дореволюционных изданий, но некоторые песни даны в записях 1945 г., что, конечно, не может дать правильного представления о песне определенного исторического периода. Правильнее было бы ограничиться в данном издании только старыми записями (указав, какие из этих песен продолжают бытовать и сейчас) или дать параллельно старые и новые записи, что дало бы возможность судить об историческом развитии этих песен и, несомненно, увеличило бы ценность сборника. Не всегда достаточно критически относится составитель к дореволюционным записям, а ведь именно казачьи песни чаще всего подправлялись и фальсифицировались. Это в первую очередь относится к сборнику Панкратова «Гребенцы в песнях», из которого перепечатано довольно много песен (21 из 100). В комментариях к песням о Степане Разине, как и в статье о терских былинах («Ученые записки Грозненского педагогического института», вып. 3, 1947), сам автор справедливо отмечает, что сборник Панкратова в части исторических песен вызывает большие сомнения и указывает некоторые, явно фальсифицированные тексты. Однако в рецензируемом сборнике из книги «Гребенцы в песнях» перепечатаны без всяких замечаний, как не подлежащие никакому сомнению, уникальные песни, кроме Панкратова, никем и нигде не записанные, что, естественно, вызывает сомнения в их подлинности. Определенно сомнительными представляются песни: «Грозный думает об измене Курбского», «Грозный встречается с сыном Курбского» и некоторые другие. Имя Курбского нигде, кроме этих двух песен, в русском фольклоре не встречается (и не могло быть популярным), и уж совсем непонятно, откуда взялся сын Курбского (не из «Бориса ли Годунова» Пушкина он попал к Панкратову?). Давая во вступительной статье определение исторических песен, тов. Путилов справедливо относит к историческим песням только те, которые связаны с конкретными историческими событиями и лицами, и отличает их от лирических песен и баллад, связанных с историей лишь внешним образом. Между тем в сборнике есть лирические песни, в сущности не связанные с определенными историческими событиями. Например, широко распространенная лирическая песня «Не шуми ты, мать зелена лубравушка» включена в данный сборник на том только основании, что в ее варианте (напечатанном опять-таки у Панкратова) имеется имя «Грозного царя Ивана Васильевича». Такая вставка в песню имени чрезвычайно популярного в терском фольклоре Ивана Грозного возможна, но она еще не делает песню исторической, и достаточно было бы указания на это во вступительной статье. Более тщательно следовало бы отнестись к подбору песен XIX в.

Самым же важным недостатком разбираемого сборника является ограничение материала половиной XIX в. Это связано с убеждением тов. Путилова, что историческая песня у казачества жила и интенсивно развивалась только до половины XIX столетия, а в крестьянской среде широкое развитие этого жанра прекратилось с середины XVIII в., после чего начинает быстро развиваться песня солдатская (см. вступительную статью, стр. 9). Такое деление песен на исторические и солдатские идет от неизжитых еще установок дворянских и буржуазных фольклористов, старавшихся отвлечь внимание от современного положения народа и третировавших песни о современных исторических событиях, высказывавшие нередко негодные господствующему классу суждения, как грубые малоценные образцы солдатского (а не народного) творчества, не заслуживающие даже названия исторических (на том же основании не признавались историческими и песни о Степане Разине, презрительно именовавшиеся разбойничьими). Между тем историческая народная песня продолжала

жить и развиваться. Сам тов. Путилов записал у гребенских казаков в 1945 г. и напечатал в своем первом сборнике песни о русско-японской войне, однако в данном сборнике он их не только не перепечатал, но даже и не упомянул о них.

Во вступительной статье, несмотря на ее небольшой объем и популярный характер, тов. Путилов ставит очень важные проблемы, связанные с изучением исторических песен и старается разрешить их по-новому. Он говорит об исторических песнях как новом жанре, возникающем в связи с развитием русского национального государства. Их отличие от былин (с которыми раньше историческая песня неправильно связывалась генетически) он видит в том, что они соответствуют различным этапам истории русского народа и его сознания и по-разному отображают историческую действительность. Это определяет и их художественные особенности — былина в своей основе фантастична, историческая песня — реалистична (непонятно только, что хочет сказать автор оговоркой: «хотя реализм ее особый, фольклорный», стр. 8. Что это за особый реализм и каковы его качества, в статье не расширяются).

В отличие от прежних формалистических работ тов. Путилов основное внимание уделяет идейному содержанию исторических песен и показывает их тесную связь с бытом и идеологией терского казачества. Такой подход к историческим песням является единственно правильным. Однако полностью освободиться от старых представлений тов. Путилов не смог. Уже в самом начале статьи, где дается определение исторических песен, мы встречаемся с идущим от Веселовского понятием некоего «лиро-эпического жарга», который, как видно из комментариев, тов. Путилов считает первоначальным образом исторической песни. Указав совершенно правильно на принципиальные отличия исторической песни от былины, тов. Путилов (как и представители «исторической школы») все-таки сопоставляет историческую песню именно с былиной и почти ничего не говорит о теснейшей связи терской исторической песни с лирической (а в более ранней вступительной статье к «Песням гребенских казаков» 1946, близость исторической песни к лирической была показана им достаточно убедительно). Особенно же чуждая нам методология дает себя чувствовать в комментариях, где говорится о мотивах, их комбинациях, былинных зачинах, былинной экспозиции и т. п., а в комментариях к песне «Терские казаки и Грозный» (пожалование Тереком) совершенно в духе «учения» Веселовского о происхождении эпоса утверждается, что эта песня «в стилевом отношении представляет наиболее ранний образец исторической лиро-эпической песни». Кстати, едва ли эта песня возникла в XVI в., как то думает тов. Путилов, ведущий от нее начало терского фольклора. Вероятно, эта песня, широко распространенная как у терских, так и у донских казаков, возникла в начале XVIII в., когда казачество, выступая против мероприятий правительства, ссылается на свои исконные права и привилегии и подкрепляет эти ссылки авторитетом Грозного.

Все это свидетельствует о том, что борьба с враждебными марксизму-ленинизму течениями в фольклористике еще не закончена и не может быть ослаблена, отдельные положения разоблаченной школы Веселовского еще не изжиты и дают себя чувствовать даже в работах молодых советских фольклористов, стоящих в основном на верных позициях.

В. Соколова

Народное творчество Южного Урала. Вып. 1. Записал И. С. Зайцев. Под редакцией с предисловием В. М. Сидельникова. Челябинск, 1948, 159 стр.

Вышедшая недавно в Челябинском областном издательстве книжка «Народное творчество Южного Урала» знакомит с дореволюционным фольклором старейшего русского горнопромышленного района (записи советского фольклора обещано дать следующим выпуском) и, несомненно, привлечет внимание как массового читателя, так и специалиста. Для этнографа и фольклориста промышленный Южный Урал представляет огромный интерес, материал же здесь собирался не систематически, случайно и разбросан по местным периодическим изданиям. Представители дореволюционной буржуазной науки бежали подальше от промышленных центров, от «глетворного, разлагющего», по их терминологии, влияния фабрик и заводов; после Великой Октябрьской социалистической революции материалов по Южному Уралу (Челябинская область) также было издано немного. Книжка И. С. Зайцева в некоторой степени восполняет этот пробел. Она, поскольку это позволяет небольшой объем, дает представление о разнообразных видах поэтического творчества уральских рабочих и крестьян до революции. Изданный материал в течение долгого времени с любовью собирался местным краеведом-фольклористом И. С. Зайцевым, много ценного материала записано им от бабушки Е. В. Зайцевой, превосходного знатока старых крестьянских обычаев и фольклора и создательницы новых песен и сказов. Не все, конечно, здесь одинаково ценно. Лучшее всего представлено обрядовая поэзия (полная запись уральской свадьбы, календарные праздники), интересный материал приведен о гуляньях молодежи. Несомненную ценность представляют записи ряда песен (исторических и лирических) и народной драмы. Гораздо слабее и односторонне представлены в книжке сказки, рабочие сказы, песни в частушки.

Однако советский читатель вправе требовать, чтобы ему не только давали сырой (пусть и интересный) материал, но и правильно оценивали, анализировали его, помо-